

УДК 94(47)“1917/1919”

А. А. Конкин

**Советская «директивность» в годы Гражданской войны: теория и практика
(на материалах северо-западных губерний РСФСР)**

В статье рассматриваются проблемы практической реализации декретов и постановлений советского государства в период Гражданской войны и «военного коммунизма» местными партийными органами. Отдельное внимание уделено трудностям и противоречиям, с которыми столкнулись органы власти в процессе реализации основных программных положений советской внутривластной доктрины. Военные и гражданские ведомства советского руководства на местном уровне не всегда четко и в срок выполняли решения вышестоящих органов, виной чему служили факторы как объективного (отсутствие должного штата сотрудников, низкий социально-экономический и хозяйственный потенциал местности и т.д.), так и субъективного характера («параллелизм» в деятельности ведомств, личные амбиции и т.д.). Автором сделан вывод, что, несмотря на комплекс имеющихся противоречий, местные органы власти в целом сумели провести в жизнь основополагающие принципы «социалистического строительства».

Ключевые слова: советское правительство, большевизм, внутренняя политика, декрет, постановление.

Гражданская война стала одним из наиболее трагичных эпизодов истории России XX века, на несколько лет погрузив страну в ужас военной разрухи, хаоса, деградации государственных и общественных институтов. Не угасающий в среде профессиональных историков интерес к событиям Гражданской войны вполне объясним: в последние десятилетия у них появилась возможность по-новому взглянуть на события вековой давности благодаря не только ранее недоступным документальным материалам, но и использованию новых методов научного исследования.

Октябрь 1917 г. был ознаменован приходом к власти большевистской партии, которая с первых дней принялась за активное революционное реформирование политических и общественных институтов. С ноября 1917 г. по февраль 1918 г. советская власть была установлена практически по всей стране. Советским органам предстояло решить широкий круг вопросов — политических, экономических, социальных и т.д. Новый тип государственного устройства неминуемо привел к «болезни роста», т.е. многочисленным трудностям, которые возникли в процессе имплементации доктрин социалистического общества.

Поиск решений возникавших проблем, как правило, производился двумя основными способами: или проявлением «революционной инициативы», или консультативным обращением к вышестоящим органам для получения соответствующих инструкций. При этом необходимо отметить, что спектр вопросов, актуальных для повседневной деятельности местных органов власти, находящихся в чрезвычайных условиях, был исключительно широк.

В августе 1918 г. в комиссариат внутренних дел Петрограда поступил запрос от Псковского губисполкома: следует ли взимать плату при осуществлении записей гражданских браков, выдаче свидетельств о рождении или смерти. Составители отмечают, что вопрос возник по причине многочисленных обращений в исполком от гражданских лиц. Из «центра» пришел ответ, что плату взимать необходимо, однако точная цифра таковой пока не установлена — в Петрограде она составляет 5 рублей, однако при регистрации актов гражданского состояния необходимо учитывать материальное положение плательщиков и в случае невозможности уплаты допускается освобождение от таковой [11, л. 98—99].

© Конкин А. А., 2017

Лужский уездный продовольственный комитет в переписке с контрольно-ревизионной комиссией сообщал, что при выделении сумм для содержания комиссариата города и уезда губернский продовольственный комитет требует полного перечня всех подлинных документов, свидетельств и удостоверений служащих, при отсутствии которых обязуется прекратить финансирование. Вследствие возникшей ситуации уездный продком задается вопросом — допустима ли отправка засвидетельствованных копий документов? Ответ не заставил себя долго ждать: вышестоящий орган обязал представлять в губернию подлинники, в то время как засвидетельствованные копии подлежали хранению в уезде [10, л. 19—20].

Неоднократно поднимались вопросы, связанные с содержанием штата советских служащих. Так, несмотря на то что декрет о советской милиции был принят сразу после Октябрьской революции, на местном уровне долгое время постановка образованных органов на денежное и материальное довольствие становилась полем для дискуссий. Понимая всю значимость правоохранительной системы в контексте внутригосударственного управления, центральные органы власти старались по возможности донести до местного уровня основные источники финансирования органов охраны порядка, которое должно было осуществляться как из кассы комиссариата внутренних дел, так и за счет средств местного бюджета [11, л. 101—102].

Не меньшей «головной болью» для советской власти уже в ходе активной фазы Гражданской войны был широкий размах дезертирского движения. Борьба с уклонением от военной службы стала одной из первостепенных задач. Военный комиссар 2-го городского района Петрограда уточнял у вышестоящих инстанций возможность самостоятельных обысков и задержания лиц в пределах подотчетной району Новосаратовской колонии. Комиссариат Петрограда сообщил, что для производства обысков необходимо предварительно заручиться ордерами ЧК, однако проверка документов и арест дезертиров могут производиться через районную комиссию по борьбе с дезертирством [22, л. 24—25].

Приведенные ситуации наглядно иллюстрируют всю пестроту вопросов, актуальных на местном уровне. Они затрагивали практически все стороны жизни государства и общества, урегулирование которых порой требовало незамедлительного участия соответствующих структур.

Строительство государства с принципиально иной общественно-политической доктриной требовало исполнителей с соответствующей идейно-теоретической подготовкой. В многочисленных декларациях и воззваниях советское руководство неоднократно обращало внимание на факт невозможности занятия вакантных должностей лицами, состоявшими на военной или гражданской службе при царском режиме, т.е. «классово ненадежными». Отсюда вытекала очередная проблема — нехватка соответствующего штата сотрудников с необходимой квалификацией. Подобные трудности не были характерны для отдельных ведомств и ощущались во всех звеньях местного партийного руководства. В общем виде сложившуюся на местах ситуацию можно рассмотреть на примере Лужского уезда: комиссариат государственного контроля просил продовольственный комитет ежедневно представлять ведомости распределения продуктов в уезде, однако получил отказ, так как для контроля движения продуктов в комитете не хватало сотрудников [10, л. 26—27].

Таким образом, присутствие «неблагонадежных элементов» было одной из отличительных особенностей функционирования низового аппарата власти в первые послереволюционные годы. В обращении правления профсоюза домовых служащих в Петрограде по переулку Чернышева отмечалось, что в ходе выборов в домовую комбед попали «совсем не те люди». Выдвигалась необходимость проведения новых выборов комитета

в дом, «населенный преимущественно мелкобуржуазным элементом» [11, л. 265]. В другом обращении возмущенные жители просили содействия в разборе вопроса по поводу домового комитета бедноты, где восседает «шайка воров, которым не место находиться в Красном Питере». Отмечается, что председатель комбеда Глазунов не только занимается спекуляцией, но и открыто критикует советскую власть («Вот скоро придут белогвардейцы с англичанами и французами и всем жидам и коммунистам-большевикам крышка придет...») [21, л. 34].

Приведенные ситуации, таким образом, являлись некорректным исполнением декрета о комитетах бедноты, изданного ВЦИК в июне 1918 г. [6, с. 582]. Однако, как отмечалось выше, проникновение «неблагонадежных лиц» касалось и органов иных ведомств, например правоохранительной системы, методика формирования которой также должна была отвечать классовому характеру. Отдельные случаи показывают, что бывшие царские чины занимали соответствующие руководящие должности в советской милиции на губернском или уездном уровнях [2, с. 30].

Нередко факты проникновения «классовых врагов» в органы революции становились предметом обсуждения на страницах печатных изданий. Житель Кончаковской волости Новгородской губернии Иван Пантелеев сообщал в одном из номеров газеты «Известия Новгородского совдепа», что в местном волостном совете председателем является кулак, «известный своим богатством всей волости», на сходках выражавший «симпатии старому строю». С вызывающим воззванием обратился к читателям житель Шегринской волости Новгородской губернии Аким Игнатъев — «Посадили лису в курятник». Местный житель отмечает, что при выборах волостного исполкома в члены продовольственного отдела был избран кулак Федор Прокофьев и его единомышленники, что повлекло за собой неравномерное распределение продуктов питания в пользу кулачества [12, л. 28]. Появление подобных заметок можно объяснить, во-первых, стремлением советской власти показать антиэксплуататорский характер собственной деятельности, во-вторых, необходимостью сформировать у населения представление о новых подходах и принципах комплектования военных и гражданско-административных органов.

Впрочем, при рассмотрении процесса формирования штата советских служащих обращает на себя внимание факт изменения отношения советского руководства к категориям лиц, которые поначалу воспринимались как «инородные элементы» на теле советского общества. Понимая, насколько важен опыт в процессе становления и налаживания функционирования государственного аппарата, большевистское правительство приходит к осознанию необходимости привлечения к государственной и военной службе бывших чиновников и военнослужащих. Яркий пример тому — активное использование так называемых «военспецов» — офицерского состава царской армии (подробнее см. [1]). Кроме того, как показывает анализ переписки официальных правительственных учреждений с местным аппаратом власти, необходимость в специалистах проявлялась во всех звеньях советской системы. В феврале 1919 г. комиссариат внутренних дел Петрограда отметил факт увольнения со службы «без разбора всех чиновников старого правительства, не считаясь с той пользой, какую они могли бы принести делу». Призывая низовой уровень разборчивее подходить к процессу штатного комплектования, комиссариат отметил, что чиновники, работавшие при царском режиме, «Советской России не опасны», но вместе с тем руководящие посты им доверять не следует [17, л. 18]. Отказ от жесткой позиции, доминировавшей ранее, вполне объясним: практическое воплощение соответствующей внутрисполитической деятельности требовало штата квалифицированных служащих с опытом работы в органах местного самоуправления, которого у советской власти в силу объективных обстоятельств в первые послереволюционные годы просто не было.

Активизация боевых действий подвигла большевиков на проведение широкомаштабных военно-мобилизационных работ. Комплекс проблем, с которым столкнулось советское руководство на начальном этапе формирования Красной Армии, становился предметом рассмотрения в специальных исследованиях [9]. Организация призывных кампаний выявила необходимость создания органов по призыву, комплектованию и обучению новобранцев. Такими органами становятся военные комиссариаты, образованные в апреле 1918 г. Опыт практического проведения декрета в жизнь показал, что создание комиссариатов по стране происходило медленнее ожидаемых темпов. Среди причин этого, как справедливо отмечает в своем исследовании Т. В. Осипова, следует отметить низкий уровень связей между звеньями советского аппарата, несвоевременное поступление декретов в волости, отсутствие подготовленных кадров и т.д. Автором приводятся конкретные случаи: например, в докладе исполкома Старорусского уезда Новгородской губернии в начале июня 1918 г. отмечалось, что многие местные Советы проявляют полнейшее непонимание декрета о создании органов военного ведомства на местах [3, с. 90]. Кроме того, образование военкоматов тоже столкнулось с проблемой штатного комплектования. Псковский губернский комиссар Сергеев в августе 1918 г. давал общую характеристику сотрудникам военных комиссариатов, отмечая низкий уровень профессиональной подготовки и даже грамотности советских служащих, что «не может не отразиться и на работе по созданию Красной Армии». Понимая необходимость отлаженной работы в процессе формирования армейских подразделений, губернский комиссар приходит к выводу о необходимости привлечения специалистов «старой школы», к которым в случае отказа от сотрудничества с советской властью будут применены репрессивные меры в виде ареста или отправки в концентрационные лагеря [4, с. 431].

Тяжелые материальные условия и моральное состояние населения приводило к тому, что подлежащие призыву на военную службу или уклонялись от таковой, или старались саботировать и сорвать работу мобилизационных команд. В Олонецкой губернии в декабре 1918 г. при проведении мобилизационных работ Повенецкой уездной милицией ряд подлежащих мобилизации лиц не пожелали идти на военную службу, разгромили склад военного комиссариата, забрали оружие и «скрылись в Финляндию» [18, л. 14].

В разгар эскалации вооруженного противостояния на северо-западе РСФСР ряд промышленных предприятий и рабочих Пскова (кожевенники-пищевики и металлисты) выступили против декрета о проведении мобилизации. Местные власти настоятельно просили Петроград оказать помощь или приездом лично председателя Петросовета, или отправкой «опытных товарищей» для борьбы с намечающимся брожением. Отдельно отмечается принципиальный отказ губернских органов от попыток репрессивных мер ввиду нежелания «запугать рабочие массы» [19, л. 2].

Желание местных властей не доводить ситуацию до «точки кипения» вполне обоснованно: при проведении органами власти на местах мероприятий военно-призывного характера среди местных жителей нередкими были случаи открытого недовольства и неповиновения. В Ручьевской волости Порховского уезда на почве проводимых военных мобилизаций местным населением был арестован военный комиссариат, а также сожжены книги учета и призыва военнотружущих в возрасте от 18 до 40 лет [25, с. 46].

В разгар первого наступления антибольшевистской армии генерала Н. Н. Юденича на Петроград в мае 1919 г. губернским комиссариатом Петрограда было издано постановление о необходимости проведения в волостях губернии мобилизации. Указывалась примерная численность — по 10—20 человек от каждой волости [23, л. 13]. Несмотря на в целом удавшийся характер призывной кампании, ряд районных комиссариатов с поставленной задачей не справился. Так, Гатчинский комиссариат сообщал, что при выпол-

нении декрета результаты оказались далеки от предписания вышестоящего начальства. В первый день объявленной мобилизации ни одна волость не предоставила необходимого количества пополнения, а комиссар Вохоновской волости, объясняя причины отсутствия призывников, заявил, что «надежных людей в волости нет». Кроме того, волостные военкоматы столкнулись с недовольством населения, которое «всеми способами избегает идти в Красную Армию». Решение Гатчинского райкома сводилось к невозможности призыва на действующую службу нормы, установленной Петроградским комиссариатом («будет отмобилизовано 3—4 человека») [23, л. 124].

Таким образом, недопонимание между местными органами власти и населением на почве необходимости пополнения рядов Красной Армии становилось еще одной трудностью, с которой столкнулся низовой аппарат власти. Недовольство населения проводимыми мобилизационными кампаниями вносило серьезный дисбаланс в деятельность местного уровня самоуправления.

Прямым следствием организации советских вооруженных сил явилась необходимость обеспечения ее материальными ресурсами — оружием, обмундированием, питанием и т.д. Содержание армии ложилось дополнительным, но неизбежным грузом на советское правительство и местные органы власти, которые вынуждены были озаботиться вопросом поиска дополнительных денежных средств. Одной из мер, призванных решить вопрос финансового обеспечения, было введение специального обложения — чрезвычайного революционного налога, учрежденного декретом ВЦИК от 11 февраля 1918 г. Под обложение налогом в первую очередь попадали имущие классы, которые «сумели приобрести путем хищнической спекуляции... огромные денежные средства» [6, с. 1108]. Первоначальная разверстка была произведена Народным комиссариатом финансов, в результате чего на местные органы власти была возложена обязанность сбора конкретных сумм, установленных Наркоматом. Общая сумма предполагаемого сбора должна была составить 10 миллиардов рублей. Документальный анализ результатов сбора налога позволяет выявить главное противоречие — завышенные требования по разверстке налога, не в полной мере учитывавшие хозяйственно-экономическое положение той или иной местности, и неверная оценка количества потенциально платежеспособного населения.

В Крестецком уезде Новгородской губернии в ноябре 1918 г. на специальном заседании было высказано общее мнение, что собрать с населения уезда «причитающийся» по раскладке налог не представляется возможным, так как в уезде «совсем не осталось капиталистов». Коллегии финансового отдела предлагалось войти в соглашение с соседними уездами о понижении суммы раскладки [13, л. 24]. С идентичными трудностями столкнулся Ямбургский уезд Псковской губернии, назвав революционный налог «гирей», разверстка которого не соответствует хозяйственному состоянию уезда [15, л. 64].

Иногда случаи превышения местными органами власти своих полномочий при разверстке налога становились известны со слов непосредственных очевидцев или участников событий. Так, красноармеец Андрей Леонтьев в письме председателю Петросовета Г. Е. Зиновьеву сообщал о тяжелом положении, в котором оказалась его семья в д. Остров Петроградской губернии: местный комбед обложил его семью налогом в размере 10 тыс. рублей. Красноармеец указывает, что налогу подлежат не все крестьяне — не подвергаются те, «кто их поил... и играет с ними в карты» [21, л. 7—8]. В заявлении на имя Г. Е. Зиновьева от мельника Н. К. Лендера сообщается о «неправильном» обложении его чрезвычайным налогом в размере четырех тысяч рублей Каменским сельским комбедом. Житель отмечает, что доходы с мельницы вкупе с постоянными финансовыми издержками не позволяют ему уплатить налог, и просит «сделать какое-либо распоряжение» [24, л. 37].

Разверстке революционным налогом подвергалось также и население городов, обложение в которых (как, например, в Петрограде) производилось районными финансовыми отделами. Помимо невыполненного плана по сбору указанной по раскладке суммы нередко можно встретить примеры неслаженной работы финансовых отделов, причиной которой становилась обычная бюрократическая волокита. В марте 1919 г. финансовый отдел Порховского района на запрос вышестоящей инстанции о предоставлении документов по сбору налога сообщил, что таковые не могут быть переданы по причине упразднения финансовых организаций в районе, а также возникших трудностей с определением границ района, вследствие чего значительное количество материала по обложению революционным налогом было передано в соседний Выборгский район [20, л. 78].

В докладной записке о взимании налога от Рождественского района сообщалось, что обнаружены существенные недочеты как в составе списков плательщиков, так и в общем ходе сбора налога. Коллегия отмечает, что первоначальная разверстка была произведена между податными сословиями и классами дореволюционного периода, которые в настоящий момент ввиду закрытия и национализации их предприятий и имущества не в состоянии уплатить налог. Кроме того, финотдел района отмечает недобросовестное выполнение своих обязанностей домовыми комбедами, представившими материал, «не улавливающий всего имущественного положения плательщиков» [20, л. 25].

В целом документальные данные по обложению населения чрезвычайным налогом районными финотделами Петрограда за первые месяцы 1919 г. показывают, что единственным районом, выполнившим разверстный платеж, оказался Новодеревенский. Однако при этом необходимо отметить, что в данной местности под обложение попали всего 12 человек (для сравнения: в Рождественском — 1514, в Охтинском — 689) и на значительно более низкую сумму — 40 тысяч рублей, которые были внесены в кассу финансового отдела в полном объеме [20, л. 146].

Указанные выше причины во многом обусловили тот факт, что в полной мере выполнить постановление местным и районным органам власти не удалось. Нельзя в этой связи не согласиться с исследователем Е. Н. Соколовым, который характеризует итоги разверстки революционным налогом как «финансовый провал», отмечая не только злоупотребления и политику репрессий местных властей по отношению к населению, но и продолжающуюся практику инерционного взимания единичных контрибуций на местном уровне, вследствие чего вместо упорядоченной налоговой политики происходило постоянное давление на потенциальных плательщиков [7, с. 87]. Признавая в целом справедливость данного вывода, нельзя не отметить и определенные позитивные для советской власти итоги взимания революционного налога: во-первых, местные органы власти все же сумели изъять значительные денежные суммы с населения, а во-вторых, им удалось выяснить фактическое материальное и имущественное положение населения подотчетной территории.

Препятствиями для реализации политики советской власти на местном уровне являлся также обычный «человеческий фактор», проявлявшийся как в личных амбициях чиновников низового аппарата, так и в конфликтах между органами власти Советов в пределах одной местности. В декабре 1918 г. стало известно о «личных дрязгах», которые возникают среди членов местного совета в Порхове, вследствие чего на уровне губернии приняли решение об организации чрезвычайного ревкома для налаживания «совершенно остановившейся советской работы» [11, л. 218].

В Олонецком уездном исполкоме произошел конфликт между военным комиссариатом и уездной ЧК, инициатором которого выступил председатель «чрезвычайки», потребовавший постановки себя на продовольственное довольствие. Военкомат отказал

председателю Тимофееву, после чего тот обозвал их «саботажниками и негодяями». Председатель уездной ЧК сообщил, что его комиссия подчиняется исключительно губернской и всероссийской ЧК, хотя согласно декрету ВЦИК об образовании чрезвычайных комиссий от 2 ноября 1918 г. избрание и финансирование уездных ЧК производится через местные исполнительные комитеты [5, с. 54]. По вопросу о фактическом верховенстве власти Тимофеев заявил, что высшей властью в уезде является исполком, сделав при этом оговорку — «пока не разогнан». Действия Тимофеева были признаны «узурпаторскими», а сам он был снят с должности председателя ЧК [14, л. 28—30].

Другим любопытным случаем является столкновение на почве претензии на получение продуктов в Порховском уезде Псковской губернии. Представители населенного пункта Дно заявили, что Порховский продовольственный комитет без предупреждения увез товары из складов эмигрировавшего владельца Волкова, хотя значительное количество продуктов должно было быть передано именно в Дно. В свою очередь, уполномоченные от продовольственного комитета Порхова сообщили, что на последнем губернском съезде Дновский продовольственный комитет не был представлен как самостоятельная единица, а потому товары подлежат равномерному распределению в пределах уезда. Дело дошло до обвинений («вы — только тень коммунистов!»), а конфликт был передан на рассмотрение в уездный комитет [16, л. 22].

Таким образом, реализация политики советской власти на местном уровне в первые послереволюционные годы представляет собой одну из наиболее актуальных проблем в контексте деятельности советского аппарата управления. Осуществление основ внутриполитической программы на деле сталкивалось со значительными трудностями и препятствиями, вызванными как специфическими условиями, в которых оказывались новообразованные органы, так и человеческим фактором. Справедливым представляется вывод, сделанный И. А. Троповым о специфике власти Советов «на местах» — советская система государственного управления после революции представляла своеобразные «локальные миры, отличавшиеся большим разнообразием внутреннего устройства и функций, несвоевременно и не в полной мере выполнявшие распоряжения вышестоящих властей» [8, с. 40—41].

Знало ли центральное руководство о противоречиях на местном уровне? Дошедшие до нас архивные документы позволяют ответить на данный вопрос утвердительно. Уже в первой половине 1919 г. была подготовлена телеграмма-обращение председателя Петроградского совета Г. Е. Зиновьева, в которой отмечался факт многочисленных жалоб на местные органы власти. Говоря о негативных моментах в деятельности низового аппарата советской власти, Зиновьев отмечает следующие: незаконные реквизиции и грубое обращение должностных лиц, неисполнение декретов центрального правительства, «неслыханная волокита и формалистика». Резюмируя свое обращение, председатель Петроградского совета отмечает, что все без исключения должностные лица советской власти должны прийти к пониманию, что «они существуют для советской России, а не советская Россия для них» [17, л. 17].

Впрочем, несмотря на перечисленный комплекс противоречий объективного и субъективного характера, представляется, что советская система управления сумела достичь главного — в чрезвычайных условиях привести местный уровень к весьма условному, но общему знаменателю, мобилизовать население и материальные ресурсы для достижения общей цели — победы в Гражданской войне.

Список использованных источников и литературы

1. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М. : Наука, 1988. 276 с.

2. Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918—1930 гг. : сб. документов : в 2 кн. Кн. 1. СПб. : Нестор-История, 2006. 338 с.
3. Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М. : ООО «Стрелец», 2001. 397 с.
4. Сборник документов и материалов по истории Псковского края (IX—XX вв.) : учеб. пособие / авт.-сост. И. О. Колосова [и др.]. Псков : ПГПИ, 2000. 626 с.
5. РСФСР. Законы и постановления. Систематический сборник важнейших декретов. 1917—1920. М. : [Б. и.], 1920. 268 с.
6. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917—1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с.
7. Соколов Е. Н. Чрезвычайный революционный налог 1918 года. Идея и практика // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 79—89.
8. Тропов И. А. Особенности функционирования советской системы в России в 1917—1920 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 93. С. 34—42.
9. Тропов И. А. Проблемы формирования Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2009. № 6. С. 46—50.
10. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 3717.
11. ЦГА СПб. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 58.
12. ЦГА СПб. Ф. Р-142. Оп. 5. Д. 23.
13. ЦГА СПб. Ф. Р-142. Оп. 6. Д. 80.
14. ЦГА СПб. Ф. Р-142. Оп. 6. Д. 96.
15. ЦГА СПб. Ф. Р-142. Оп. 6. Д. 137.
16. ЦГА СПб. Ф. Р-142. Оп. 7. Д. 105.
17. ЦГА СПб. Ф. Р-142. Оп. 7. Д. 128.
18. ЦГА СПб. Ф. Р-142. Оп. 8. Д. 298.
19. ЦГА СПб. Ф. Р-485. Оп. 1. Д. 78.
20. ЦГА СПб. Ф. Р-1000. Оп. 3. Д. 240.
21. ЦГА СПб. Ф. Р-1000. Оп. 3. Д. 261.
22. ЦГА СПб. Ф. Р-6690. Оп. 2. Д. 313.
23. ЦГА СПб. Ф. Р-6690. Оп. 2. Д. 394.
24. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 7. Д. 54.
25. Яров С. В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918—1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 167 с.

Поступила в редакцию 12.09.2016

Конкин Андрей Алексеевич, аспирант

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Российская Федерация, 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

E-mail: aspid8889@rambler.ru

UDC 94(47)“1917/1919”

A. A. Konkin

**Soviet “prescriptive documents” during the Civil War: theory and practice
(on the materials of the RSFSR north-western provinces)**

The article deals with the problem of practical implementation of decrees and resolutions of the Soviet state during the Civil War and of the «war communism» by the local party organs. Special attention is paid to the difficulties and contradictions facing the authorities in the implementation of the provisions of the main program of the Soviet domestic political doctrine. Local Soviet military and civilian authorities did not always accurately and timely implement the decisions of the parent bodies, which was caused by the reasons of both objective (lack of adequate staff, low socio-economic potential of the area, etc.) and subjective character («parallelism» in the activi-

ties of agencies, some personal ambition, and etc.). The author concludes that despite complex existing contradictions, the local authorities generally managed to bring to life the fundamental aspects of «socialist construction».

Key words: Soviet government, Bolshevism, internal policy, decrees, regulations.

Konkin Andrey Alekseevich, Postgraduate student

Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin

Russian Federation, 196605, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe shosse, 10

E-mail: aspid8889@rambler.ru

References

1. Kavtaradze A. G. *Voennye spetsialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov 1917—1920 gg.* [Military specialists in the service of the Soviet Republic in 1917—1920]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 276 p. (In Russian)
2. *Novgorodskaya zemlya v epokhu sotsial'nykh potryasenii. 1918—1930 gg. : sb. dokumentov : v 2 kn. Kn. 1* [Novgorod land in the era of social upheaval. 1918—1930: Collection of documents : in 2 volumes. Vol. 1]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2006. 338 p. (In Russian)
3. Osipova T. V. *Rossiiskoe krest'yanstvo v revolyutsii i grazhdanskoi voine* [Russian peasantry during the revolution and the civil war]. Moscow, OOO «Strelets» Publ., 2001. 397 p. (In Russian)
4. *Sbornik dokumentov i materialov po istorii Pskovskogo kraja (IX—XX vv.) : ucheb. posobie / avt.-sost. I. O. Kolosova [i dr.]* [Collection of documents and materials on the history of the Pskov region (IX—XX centuries): study guide, comp. by I. O. Kolosova et al.]. Pskov, PGPI Publ., 2000. 626 p. (In Russian)
5. *RSFSR. Zakony i postanovleniya. Sistemicheskii sbornik vazhneishikh dekretov. 1917—1920* [RSFSR. The laws and regulations. Systematic collection of important decrees. 1917—1920]. Moscow, 1920. 268 p. (In Russian)
6. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii Pravitel'stva za 1917—1918 gg.* [Collection of laws and regulations of the Government over 1917—1918]. Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR Publ., 1942. 1483 p. (In Russian)
7. Sokolov E. N. Chrezvychainyi revolyutsionnyi nalog 1918 goda. Ideya i praktika [Extraordinary revolutionary tax in 1918. The idea and practice]. *Voprosy istorii*, 2011, no. 7, pp. 79—89. (In Russian)
8. Tropov I. A. Osobennosti funktsionirovaniya sovetskoi sistemy v Rossii v 1917—1920 gody [Features of functioning of the Soviet system in Russia in 1917—1920]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2009, no. 93, pp. 34—42. (In Russian)
9. Tropov I. A. Problemy formirovaniya Krasnoi Armii [Problems of the Red Army forming]. *Voennno-istoricheskii zhurnal — Military Historical Journal*, 2009, no. 6, pp. 46—50. (In Russian)
10. *Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. (TsGASPB). F. R-8. Op. 1. D. 3717.
11. TsGASPB. F. R-142. Op. 1. D. 58.
12. TsGASPB. F. R-142. Op. 5. D. 23.
13. TsGASPB. F. R-142. Op. 6. D. 80.
14. TsGASPB. F. R-142. Op. 6. D. 96.
15. TsGASPB. F. R-142. Op. 6. D. 137.
16. TsGASPB. F. R-142. Op. 7. D. 105.
17. TsGASPB. F. R-142. Op. 7. D. 128.
18. TsGASPB. F. R-142. Op. 8. D. 298.
19. TsGASPB. F. R-485. Op. 1. D. 78.
20. TsGASPB. F. R-1000. Op. 3. D. 240.
21. TsGASPB. F. R-1000. Op. 3. D. 261.
22. TsGASPB. F. R-6690. Op. 2. D. 313.
23. TsGASPB. F. R-6690. Op. 2. D. 394.
24. TsGASPB. F. R-7384. Op. 7. D. 54.
25. Yarov S. V. *Krest'yanin kak politik. Krest'yanstvo Severo-Zapada Rossii v 1918—1919 gg.: politicheskoe myshlenie i massovyi protest* [The farmer as a politician. The peasants of North-West Russia in 1918—1919: political thinking and mass protest]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999. 167 p. (In Russian)